

Стивен Ликок

Счастливы ли богатые?

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159593

*Стивен Ликок «Юмористические рассказы»: Государственное
издательство художественной литературы; Москва; 1969*

Аннотация

В сборник канадского писателя, профессора политической экономики в Мичиганском университете включены юмористические рассказы – лучшая часть его литературного наследия. Настоящее издание составлено из рассказов разных лет, входивших в сборники: «Еще немного чепухи», «Бред безумца», «При свете рампы», «В садах глупости», «Крупницы мудрости», «Восхитительные воспоминания» и «Рассказы разных лет».

Стивен Ликок

Счастливы ли богатые?

Приступая к этому очерку, я прежде всего должен сказать, что материал, которым я располагаю, нельзя считать достаточно полным. За всю свою жизнь я ни разу, да-да, ни разу не встретил по-настоящему богатого человека. Часто мне казалось, что я нашел его. Но, увы, почти тотчас же обнаруживалось, что я ошибся: он не богат. Он беден. Очень беден. Сидит без гроша. Ему позарез нужны деньги. Не знаю ли я, спрашивает он, у кого бы перехватить десять тысяч долларов.

Я неизменно впадал в одну и ту же ошибку. У меня сложилось впечатление, что, если в доме пятнадцать человек прислуги, хозяйева его – люди богатые. Я почему-то полагал, что отправиться в лимузине за шляпкой, которая стоит пятьдесят долларов, может только весьма состоятельная женщина. Ничего подобного! При ближайшем рассмотрении оказывалось, что все мои знакомые – люди небогатые и, по их словам, находятся в крайне стесненных обстоятельствах. Нет, кажется, у них это называется «сидеть на мели». Если в опере в ложе бельэтажа появляется разодетая компания, можете быть уверены – все они сидят на мели. А роскошный лимузин, который ждет их у подъезда, ровным счетом ничего не значит.

Не далее как вчера один мой приятель – он имеет десять тысяч долларов в год – признался, тяжело вздыхая, что ему не под силу угнаться за богатыми. При его средствах это абсолютно невозможно. И совершенно то же самое я слышал в одной знакомой мне семье, у которой двадцать тысяч годового дохода. Где им тягаться с богатыми! Они даже и не пытаются. А вот, пожалуйста, свидетельство весьма уважаемого адвоката, которому его практика приносит не менее пятидесяти тысяч долларов в год. Со свойственной ему прямой и откровенностью он заявил, что не видит никакой возможности равняться с богатыми и предпочитает трезво оценивать свое положение: он беден. И, разумеется, он может предложить мне – уж не взыщите! – только самый скромный – так он выразился – обед, за которым, кстати сказать, нам прислуживали трое мужчин и две женщины.

Насколько мне помнится, я не имел счастья беседовать с мистером Карнеги, но ничуть не сомневаюсь, что он, безусловно, считает совершенно для себя невозможным равняться с мистером Рокфеллером. Ну, а мистер Рокфеллер, вероятно, тоже думает, что и ему до кого-то не дотянуться.

Однако должны же все-таки где-то быть и богатые люди. Мне нет-нет да и удается напасть на их след. Вот, например, наш швейцар недавно уверял меня, что в Англии у него есть богатый кузен. Кузен этот работает на Юго-Западной железной дороге и получает целых десять фунтов в неделю. Он превосходный работник, и железная дорога просто не может

без него обойтись. Потом еще у прачки, которая стирает белье на весь наш дом, есть богатый дядюшка в Уиннипеге. Он живет в собственном доме и еще ни разу его не закладывал, а две его дочери учатся в колледже.

Но обо всех этих богатых людях я знаю только понаслышке, а потому не берусь утверждать что-нибудь наверняка.

Говоря о богатых и рассуждая о том, счастливы ли они, я, само собой разумеется, делаю выводы только на основании того, что лично видел и слышал. И вот к какому я пришел заключению: богатые подвергаются тяжким испытаниям и переживают жестокие трагедии, о которых счастливые бедняки не имеют ни малейшего представления.

Прежде всего я обнаружил, что богатые постоянно страдают от денежных затруднений. Курс стерлинга падает на десять пунктов в день, а бедняк преспокойно сидит себе дома. Вы думаете, его это тревожит? Нисколько. Пассивный торговый баланс грозит затопить страну. На кого возлагают обязанность сдерживать натиск? На богатых. Изъятие вкладов из государственного банка достигает ста процентов. А бедняк покупает себе за десять центов билет в кино и хохочет во все горло. Ему-то что?

Между тем богатый человек не знает буквально ни минуты покоя.

Например, в прошлом месяце один молодой человек – некто по фамилии Спагг – превысил в банке кредит на двадцать тысяч долларов. Мы как раз обедали вместе в клубе,

и он рассказал мне об этом, прося извинить его за мрачный вид. Конечно, вся эта история была ему неприятна. Кроме того, банк вел себя на редкость бестактно: директор позволил себе обратить внимание мистера Спагга на перерасход! Я, понятно, не мог ему не посочувствовать, потому что сам как раз превысил кредит на двадцать центов, и уж коль скоро банк принялся за своих должников, следующим на очереди вполне мог оказаться и я. Спагг сказал, что, пожалуй, завтра утром придется позвонить секретарю – пусть реализует несколько акций и погасит долг. Подумайте, как это ужасно! Бедняки избавлены от таких крайностей! Бывает, конечно, что им приходится продать кое-что из мебели, но чтобы вот так – взять и отнести на биржу ценные бумаги из собственного письменного стола, – нет, такой трагедии им не доводилось и никогда не доведется испытать.

Мы частенько обсуждали с мистером Спаггом проблему – что же такое богатство. Он из тех, кто сам выбился в люди. Не раз он говорил мне, что состояние, которое он приобрел, лежит на нем тяжким бременем. Спагг уверяет, что чувствовал себя несравненно счастливее, когда был простым, небогатым человеком. Иногда, угощая меня обедом из девяти блюд, он вдруг признается, что кусок вареной свинины с брюквенным пюре ему гораздо больше по душе, чем все эти разносолы. Будь его воля, говорит он, весь его обед состоял бы из пары сосисок с ломтиком поджаренного хлеба. Но что-то – я забыл, что именно, – мешает ему жить так, как хочет-

ся. Сколько раз я наблюдал, как мистер Спагг отодвигал от себя полный до краев или уже пустой бокал шампанского. За фермой его отца, вспоминал он, бежал ручеек: растянешься, бывало, на траве, припадешь к воде и пьешь сколько душе угодно. Никакое шампанское не сравнится с этой живительной влагой! Я посоветовал Спаггу лечь на пол и попить из блюдца содовой. Но он почему-то пренебрег моим советом.

Мне доподлинно известно, что мой друг Спагг, будь это только возможно, с радостью отказался бы от своего состояния. Раньше, когда я ничего не понимал в таких делах, мне всегда казалось, что нет ничего проще, как взять да и отдать принадлежащие вам деньги. Не тут-то было. Богатство – это тяжкое бремя, и вы обязаны нести его на своих плечах. Если у вас есть деньги, много денег, вы обязаны владеть ими ради служения обществу. Вам следует помнить, что они дают вам возможность творить добро и помогать ближним своим, всячески облегчая и скрашивая их жизнь. Одним словом, богатство – это священная обязанность. Спагг так долго и так обстоятельно беседовал со мной на эту тему в клубе – в особенности об обязанности богатых облегчать жизнь бедняков, – что лакей, специально находившийся при Спагге, чтобы подносить ему зажженную спичку каждый раз, когда он закуривал, засыпал, привалившись к косяку, а шофер, ожидавший хозяина на улице, примерзал к сиденью.

Итак, Спагг смотрит на свое богатство как на высокую миссию. Почему бы ему не пожертвовать деньги на ка-

кой-нибудь колледж, спрашиваю я. Но Спагг отклоняет мое предложение – он, к сожалению, никогда не учился в колледже. Тогда я обращаю его внимание на фонд помощи учителям: несмотря на все усилия мистера Карнеги и других филантропов, у нас все еще есть несколько десятков тысяч учителей, хороших, опытных, энергичных учителей, которые работают изо дня в день, не имея иных доходов, кроме скромного жалованья. Так они вынуждены будут работать до восьмидесяти пяти лет (если доживут), и только тогда им дадут пособие по старости. Но мистер Спагг не соглашается жертвовать на учителей: эти люди, говорит он, – национальные герои. Они черпают себе награду в своем труде.

Мистер Спагг – человек одинокий, и как бы там ни было, при всей глубине его переживаний, в них есть все-таки что-то эгоистическое. В богатых домах – вернее сказать, в особняках – вот где льются невидимые миру слезы, о которых ничего не знают, да и не могут знать счастливые бедняки.

Совсем недавно я был свидетелем трагедии, разыгравшейся в доме Эшкрофт-Фаулеров. Они пригласили меня к обеду. Когда мы сели за стол, миссис Эшкрофт-Фаулер чуть слышно спросила мужа:

– Что, Медоуз уже говорил с тобой?

Мистер Фаулер покачал головой с печальным видом.

– Нет еще, – ответил он, вздыхая.

И супруги переглянулись, словно ища друг у друга сочувствия и помощи, как люди, привыкшие вместе сносить уда-

ры судьбы.

Эшкрофты – мои старые друзья, и сердце мое тревожно сжалось. За обедом, наблюдая, как Медоуз – их дворецкий – наполняет бокалы вином, я не мог избавиться от тягостного чувства, что над моими друзьями нависла беда.

Обед кончился, миссис Эшкрофт-Фаулер удалилась в гостиную, оставив нас с Фаулером допивать портвейн. Я придвинул свой стул ближе к Фаулеру.

– Дорогой мой, – начал я, – мы с вами старые друзья, и, надеюсь, вы извините мою нескромность. Мне показалось, что вы и ваша жена чем-то озабочены.

– Да, – сказал он печальным, тихим голосом. – Вы угадали.

– Простите меня, – продолжал я. – Может быть, вы расскажете мне о своем горе; когда поделишься с другом, на душе становится как-то легче. У вас неприятности из-за Медоуза?

Наступило молчание. Я догадывался, о чем пойдет речь, и ждал, когда он заговорит.

– Медоуз уходит от нас, – промолвил он наконец, собрав все свои силы, чтобы произнести эти роковые слова как можно спокойнее.

– Друг мой! – воскликнул я, беря его руку в свои.

– Вы понимаете, как нам тяжело. Прошлой зимой ушел Франклин. И, поверьте, без всякого повода с нашей стороны: мы делали все, что могли. Теперь Медоуз.

В голосе Фаулера слышались слезы.

– Он еще не заявил о своем уходе, – продолжал мой бедный друг, – но мы знаем: он не останется. На это нет никакой надежды.

– В чем же дело? – спросил я.

– Никаких конкретных жалоб у него нет. Просто ему у нас не нравится. Мы ему не подходим.

Фаулер закрыл лицо рукой. Наступило молчание.

Подождав немного, я тихо вышел из столовой и покинул дом, не поднимаясь в гостиную. Несколько дней спустя я узнал, что Медоуз действительно ушел от них. Эшкрофт-Фаулеры просто в отчаянии. Говорят, они решили снять в Гранд-отеле небольшой номер в десять комнат с четырьмя ванными, чтобы хоть как-нибудь дотянуть эту зиму.

Не стоит, однако, сгущать краски и представлять дело так, будто богатые вовсе не знают мгновений истинного безоблачного счастья. По моим наблюдениям, оно приходит к ним именно тогда, когда им удастся разориться – полностью и окончательно разориться. Можно потерять деньги, играя на бирже или пользуясь услугами банка, или любым другим способом. Техническая сторона вопроса чрезвычайно проста.

Когда богатый человек разоряется, он, насколько я могу судить, чувствует себя превосходно и может делать все, что ему вздумается. В подтверждение правильности моего суждения приведу кое-какие факты из моих недавних наблюдений.

На днях мы с приятелем шли по улице; мимо нас промчалась роскошная машина, в которой сидел элегантный молодой человек, весело болтавший с красивой женщиной. Мой приятель дружески раскланялся с прелестной парой и, сняв шляпу, игриво помахал ею в воздухе, словно желая счастья и удачи.

– Бедняга Оверджой, – сказал он, когда машина скрылась из виду.

– А что такое? – любопытствовал я.

– Как? Вы не знаете? – удивился мой приятель. – Он же разорился. Начисто. Потерял все до единого цента.

– Боже мой! – воскликнул я. – Как это печально! Теперь ему придется продать этот красивый лимузин.

– Не думаю, – сказал мой приятель, покачав головой. – Вряд ли он это сделает; его жена наверняка не захочет расстаться с машиной.

Мой знакомый оказался прав. Оверджои не стали продавать машину, так же как они не сочли нужным продать свой великолепный особняк. Надо думать, им было жаль расстаться с ним. Кто-то высказал предположение, что они, наверное, откажутся от ложи в опере. Ничего подобного. Они слишком любят музыку. При всем том в городе уже нет человека, который бы не знал, что Оверджой начисто разорен. У него и в самом деле нет за душой ни цента. Десять долларов – вот теперь его красная цена. Однако я по-прежнему вижу на нем подбитую котиком шубу, которая стоит

никак не меньше пятисот долларов.